

Синельникова Лара Николаевна (L. N. Sinelnikova), доктор филологических наук, профессор Луганского государственного педагогического университета (*г. Луганск, Луганская Народная Республика, Российская Федерация*) (*Lugansk, Luhansk People's Republic, Russian Federation*); prof.sinelnikova@gmail.com

УДК 821.161.1.09

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ ПОЭЗИИ ТЮТЧЕВА: ОТ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ К НОВЫМ РАКУРСАМ РАССМОТРЕНИЯ

Аннотация. В статье обращается внимание на два фактора формирования исследовательского поля: традиционный литературоведческий подход и филологический, объединяющий лингвистов и литературоведов. Опыт совместности представлен в анализе композиционной структуры стихотворений Тютчева, в описании эволюционных процессов в применении некоторых образных средств. Новые подходы, расширившие исследовательское поле, связаны с подключением когнитивного параметра и с применением возможностей цифровых технологий.

Ключевые слова: Тютчев, тютчеведение, поэтика, композиционная структура, эволюция, когнитивная поэтика, цифровые методы.

THE RESEARCH FIELD OF TYUTCHEV'S POETRY: FROM BASIC PRINCIPLES TO NEW PERSPECTIVES OF CONSIDERATION

Annotation. The article draws attention to two factors of the formation of the research field: the traditional literary approach and the philological approach, which unites linguists and literary critics. The experience of compatibility is presented in the analysis of the compositional structure of Tyutchev's poems, in the description of evolutionary processes in the use of some figurative means. New approaches that have expanded the research field are connected with the connection of the cognitive parameter and with the use of digital technologies.

Keywords: Tyutchev, Tyutchev, poetics, compositional structure, evolution, cognitive poetics, digital methods.

*Каждый, век, приобретая новые идеи,
приобретает и новые глаза.*
(Г. Гейне)

*Поэтику пора бы отменить,
Она – пустейшее из всех занятий.
Но где тогда связующая нить,
Преемственность стремлений и понятий.*
(Д. Самойлов)

В формулировке темы заявлен двойной аспект: базовые (традиционные) принципы рассмотрения поэзии Тютчева и новые ракурсы интерпретации творческого наследия поэта. Содержание предпосланных тексту статьи эпиграфов, как представляется, создает концептуальный контекст для ценностной интеграции как этих аспектов, так и опыта исследователей, принадлежавших к разным научным школам и действовавших в пространстве разных научных парадигм. Личность и творчество Ф. И. Тютчева давно вышли за пределы физического времени и стали достоянием многих поколений не только читателей, но и исследователей. Переключка научных концепций в их традиционном и новаторском наполнениях сближает поколение ученых и стимулирует рождение новых научных идей.

Границы исследовательского поля определяет поэтика, точнее, критерии её описания. Традиционно словари квалифицируют

тютчеведение как раздел литературоведения и истории литературы, занимающийся изучением биографии и творчества русского поэта Ф. И. Тютчева. Но толкование художественных текстов, в том числе стихотворных, у большинства исследователей основывалось на филологическом подходе, который объединяет литературоведение и лингвистику, не исключая при этом акцентного фактора. Синтез двух ветвей филологии расширил интерпретационные возможности исследователей творчества Тютчева, способствовал развитию новых концепций и новых оценочных характеристик. Достаточно назвать направления, предусмотренные для обсуждения на метапредметной научной конференции «Этносы и судьбы в жизни и творчестве Ф. И. Тютчева: к 220-летию со дня рождения» (Брестский государственный технический университет, 23–24 ноября 2023 года):

Ф. И. Тютчев – поэт, дипломат, «живой отпечаток русского ума, русской души»; Служебная и дипломатическая деятельность Ф. И. Тютчева; Интерпретация творчества Ф. И. Тютчева в «малом» и «большом времени»; Отражение социокультурных процессов и истории народов в жизни и творчестве поэта; Место и роль человека в мире «в минуты роковые» его истории в лирике Ф. И. Тютчева; Пленительная русская природа в творчестве поэта; Философия жизни и её отражение в творчестве Ф. И. Тютчева; Люди и судьбы в любовной лирике поэта; Практика исследования психологических и лингвистических аспектов в творчестве Ф. И. Тютчева; Проблемы осмысления и изучения жизни и творчества Ф. И. Тютчева в современном поликультурном пространстве школ и вузов Западной и Восточной Европы; Творчество Ф. И. Тютчева в контексте музыки и живописи: история и современность; Творчество Ф. И. Тютчева и всемирный литературный процесс: взаимосвязи и контакты.

Неисчерпаемы возможности компаративистского рассмотрения связей между Тютчевым и поэтами разных времен и разных индивидуальностей. В исследовательском поле тютчеведения обозначились ряды сопоставлений: Тютчев и Державин, Тютчев и Пушкин, Тютчев и Баратынский, Толстой и Тютчев, Тютчев и Фет, Некрасов и Тютчев, Тютчев и Блок, Тютчев и Пастернак, Тютчев и Бродский, Тютчев и Гейне. Ряд ориентирующих на поэтику Тютчева сопоставлений остается открытым, и к диахроническим объединениям присоединяются синхронические сопоставления, например, Тютчев

и Высоцкий [4]. Открытость ряда сопоставлений подтверждает оценку Л.Н. Толстого, индексированную в его заметках буквами Т. и Г. (Тютчев, глубина), и свидетельствует о том, что поэзия Тютчева содержит некий код как универсальной поэтической культуры и поэтического смысла, так и особенностей русской поэтической культуры.

Литературовед О. В. Зырянов в статье, посвященной 200-летию юбилею Тютчева, писал: «Юбилейные размышления актуализируют в первую очередь настоящую попытку ревизии уже имеющихся интерпретаций тютчевского творчества и постановку новых задач его познания, исходящих из потребностей современной культуры и контекста «большого времени» (термин М. Бахтина)» [3, с. 129]. К числу новых задач исследователь относил внимание к политической поэзии Тютчева, к переписке поэта, некоторые темы которой резонируют с современностью, к проблемам генеалогии индивидуальной творческой манеры Тютчева, к особенностям его метасюжета, основанного на двух мирах с их взаимным переходом. Такого рода задачи нельзя назвать новыми, поскольку они уже так или иначе рассматривались (достаточно посмотреть Библиографию работ о Тютчеве после 1973 года: <https://tjutchev.livejournal.com/4851.html>), но в промежутке между юбилеями реализовались новые возможности получить дополнительные характеристики в условиях применения методов, согласованных с новыми концепциями анализа художественных текстов.

Тютчев – поэт малой формы, и один из основных кодов поэзии Тютчева большинство исследователей связывает с двухчастной композиционной структурой стихотворного текста. В монографии А. Д. Григорьевой «Слово в поэзии Тютчева» содержатся ответы на вопросы о том, какими языковыми средствами поэт заполняет эту малую форму, как эти средства группируются в тексте, какие отношения устанавливаются с поэтической традицией. Гармоническую завершенность стихотворений Тютчева исследовательница связывает с особым подходом к лексическому и синтаксическому материалу, идущему «не столько от логики смыслового развития текста, сколько от логики развития его эмоционального образа, которому подчинен отбор всех смысловых единиц текста» [2, с. 247].

Поэтический код принципиально ориентирует на обогащение знака через вхождение в поле трансцендирования, в котором знак

приобретает свойства нового означающего. Трансцендентное мышление – это творческое, конструктивное мышление, и трансцендентальная установка сознания мотивирует отход от практического понимания мира и языка, позволяет использовать семиотический резерв объединения внешнего мира и глубоких чувственных переживаний. В поэзии Тютчева созданы образцы чувственного представления мысли, что не могло не оказать влияния на поэтов 20 века, в творчестве которых композиционная двусегментность получила соответствующее времени и новым научным парадигмам типологическое развитие [12].

Проблемы эволюции поэтической речи лингвисты связывают с особенностями художественных тропов. Так, метод описания функциональной нагрузки сравнения, примененный Е.А. Некрасовой к описанию идиостиля Тютчева, подтвердил важность образной устойчивости в организации художественного материала. Постоянство образных связей в наибольшей степени проявлено в соположении природных явлений и чувств. Так, сравнительный оборот с союзом *как бы* «объединяет общая тональность – передача неполноты, неокончателности утверждаемого сопоставления; автор приводит не эквивалент, а только аналог возникающего у него ощущения, которое не может быть полностью описано словами». Делается вывод: «Ощущение некатегоричности авторского восприятия было существенным для творческого почерка Тютчева» [7, с. 173]. Поддержку такого вывода исследовательница находит у литературоведа Е. А. Маймина: «Тютчевское «как бы» – это словесный знак глубокого значения. Это знак неоконченного, безусловного, недогматичного...» [5, с. 182]. Внимание привлекла авторская правка в стихотворении *Саше-Саше* – волшебную близость, *как благодать*, в последующих изданиях Тютчев заменил на *как бы благодать*:

*Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?
О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сальфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.*

Этот факт дает основание задуматься над неоправданной категоричностью мнения некоторых исследователей о том, что стихи Тютчева не были результатом труда, а просто выливались из-под его пера. Даже небольшое количество правок может свидетельствовать об эпистемологической значимости внесенного изменения.

В русский культурный код входит литературоцентричность как память о значимых для культуры текстах. Культурная память о тютчевском слове сохраняется и транслируется от века к веку, от поколения к поколению. Показательный пример – продленная во времени жизнь первых двух строчек стихотворения Тютчева «Нам не дано предугадать...»:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

В сборник материалов IV научно-практической конференции «Ф. И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия» включены две статьи, посвященные анализу этого стихотворения. Обе статьи подтверждают значимость в жизни общества культурной памяти, которая приобщает «к некоему братству, установкам, запечатленным в словах» [1, с. 59].

Доктор филологических наук С. Я. Гехтляр обратил внимание на многослойность стихотворения и на то, что смысл его не столько в предугадывании (а это наиболее распространенная трактовка), сколько в ответственности за будущее, в ответственности, как пишет автор статьи, «перед Ним». Т. А. Полоскина, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Брянского государственного краеведческого музея, в статье «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» (о цитировании Ф. И. Тютчева в литературе и других сферах культурной жизни) [10] привела множество примеров цитирования строк из стихотворения Тютчева в художественной литературе, в документальной прозе и журналистике, в научно-популярной литературе, в учебных материалах, в киноискусстве.

Богатство и презентативность представленного эмпирического материала может служить примером для филологов, склонным к не подтвержденному примерами теоретизированию.

Все исследователи обращают внимание на большое количество архаизмов в стихотворениях Тютчева. Время меняет отношение к этому пласту слов, наделяет их стилистической функцией высоты. Приведем две первые строчки стихотворения «Последняя любовь»: *О, как на склоне наших лет / Нежней мы любим и суеверней...* Герменевтический круг устанавливает логику процесса понимания: надо знать часть, чтобы понять целое, и надо знать целое, чтобы вычленив часть. Слово *суеверней* нередко соотносится со значением, фиксируемым в современных толковых словарях: *мистический, таинственный, сверхъестественный*. Но в Словаре живого великорусского языка В. И. Даля, отразившего нормы XIX века, есть описание значения наречия *суе* (*всуе*), которое вошло в словообразовательную структуру слова *суеверный*: *напрасно, даром, тщетно, попусту, без пользы*. Именно этот блок способствует пониманию целого через понимание части. Такая работа с отдельным тютчевским словом позволяет особым образом отнестись к спорам о признаках и свойствах архаизмов у Тютчева.

Когнитивная парадигма способствовала переходу от описания лексико-семантической специфики языка стихотворений Тютчева к описанию системы концептов на междисциплинарной основе.

Концептология Тютчева включает слова-концепты *сон, небо, день, ночь, сад, бездна, тень, дым*. Концептуализируются тютчевские эмоции: *тоска, ужас, радость, страдание*, каждая из которых может получить проекцию на драматические сюжеты биографии Тютчева [6]. Концептуализация связана с дискурсом сознания в поэтическом мире Тютчева [11]. Концепты формируют тексты сознания, в которых всегда найдутся перифразы, метафоры, встретится книжно-славянская лексика (*благоволение, благовонье, благодарность, благодать, благодаянье, благосердие, благотворенье, благоухание*), сложные двойные прилагательные (*громокипящий, порфирородный, всеславянский*), проявятся структуры семантического параллелизма, закрепившие связь законов природы и человеческого бытия, («Поток сгустился и тускнеет...», «Тени сизые сместились...», «Ещё земли печальный вид...» и многие другие).

Проблема «Слова и смыслы» имеет вневременную актуальность. Эта проблема особым образом воплощается в опытах комплексного анализа одного стихотворения Тютчева. Показательна

дискуссия на семинаре «Сильные тексты», посвященному стихотворению Тютчева «Silentium!» (<https://gorky.media/context/molchat-kogo-tyutchev-prizyval-soblyudat-tishinu-v-stihotvorenii-silentium/>). Семинар назван по нормам публицистического кликбейта – броского, привлекающего внимание названия: «Молчать! Кого Тютчев призывает соблюдать тишину в стихотворении «Silentium!» с подзаголовком: «Почему нам всем нужно держать язык за зубами, скрываться и таить свои мечты и чувства». К слову, Л. Н. Толстой отметил стихотворение «Silentium!» буквой Г (глубина). В дискуссии приняли участие филологи, музыканты и «представители пытливого молодежи». Было обращено внимание на наличие восклицательного знака в названии стихотворения (в ряде научных публикаций этот знак отсутствует). Илья Винницкий в восклицательном знаке увидел поднятый перст, символизирующий добродетель молчания. Новый взгляд на соотношение молчания Жуковского (стихотворение «Невыразимое») и молчания Тютчева обозначил Андрей Немзер: Жуковский скорбит о невозможности сказать то, что он ощущает, у Тютчева молчание связано с решительным отторжением внешнего мира, всё значимое находится внутри. Была представлена попытка вывести стихотворение «Silentium!» из привычного генеалогического (архаичного, барочного или одического) контекста и поместить его в актуальный для времени и месте написания социальный контекст. Илья Винницкий назвал три контекста, значимых для реконструкции зарождения стихотворения: риторический, связанный с древнеримской литературой и ораторским искусством; католический, знакомый Тютчеву по службе в католической Баварии, и университетский, студенческий. В этом тройном измерении «мысль изреченная есть ложь» означает «мысль исполненная», погруженная в эмоции. Не случайно текст стихотворения имеет музыкальную историю в виде кантаты, бардовской песни и даже рэповского речитатива.

Новый инструментарий обеспечивает новые подходы к анализу поэтических текстов. Цифровые технологии способствуют развитию корпусных методов исследования поэтического языка. Корпуса – это большие и хорошо структурированные наборы текстов, обеспечивающие получение достоверной информации об употреблении слова. Поэзия Тютчева получила новый импульс описания в корпусных исследованиях Б. В. Орехова, кандидата

филологических наук, сотрудника Центра цифровых гуманитарных исследований Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики. Кандидатская диссертация «Принципы организации мотивной структуры в лирике Ф. И. Тютчева», защищенная Ореховым в 2008 году под руководством П. Н. Толстогузова, одного из видных современных исследователей лирики Тютчева, стимулировала дальнейший интерес к творчеству великого поэта.

Приведем рассуждения Б. В. Орехова о корпусном анализе русского стиха. «В русской поэзии есть необычный автор, немного загадочный, хотя мы его проходим в школе, и он не сразу производит такое впечатление. Это Федор Иванович Тютчев. Если мы заглянем в специальную литературу, там будет написано, что Тютчев сначала писал стихи, подражая Державину, как и другие его современники или предшественники, а с какого-то момента начал писать непохожие на другие стихи, своим своеобразным стилем. Граница между подражательностью и своеобразием приходится на стихотворение «Проблеск», написанное в 1825 году. Благодаря поэтическому корпусу мы можем попробовать понять, а где в этом стихотворении кроется то самое своеобразие, где это зерно, может быть, в нем всё как у всех. И мы можем ограничить запрос тем же 1825 годом и представить себе, что корпус – это место, где хранится читательское восприятие современника Тютчева» (<https://postnauka.org/video/85900>).

Интертекстуальным взаимодействиям между различными авторами и текстами посвящена статья Б. В. Орехова «Проблеск» Ф. И. Тютчева в ретроспективе Корпуса [8]. В другой статье, оттолкнувшись от стихотворения Ф. И. Тютчева «Последний катаклизм», исследователь проследил, какая часть этого небольшого текста является формульной, а какие сочетания слов в контексте русской поэзии представляются оригинальными [9]. Такие аспекты описания крайне трудно обеспечить традиционными методами.

Перспективу тютчевоведения, по сути, определил Л. Н. Толстой, сказав однажды: «Без Тютчева жить нельзя». Нельзя жить без поэзии смыслов, нельзя жить без понимания роли слова в поэзии, нельзя жить без национального самосознания и осознания единства славянских народов. В стихотворении «Бессонница» Тютчев говорит о неотвратимости забвения:

*И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;
И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!*

Как хорошо и как важно для культуры, что Тютчев в этом прогнозе ошибся.

Список использованной литературы:

1. Гехтляр, С. Я. «...Как наше слово отзовется...» (современность и всевременность в поэзии Ф. И. Тютчева / С. Я. Гехтляр // Ф. И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия: материалы IV науч.-практ. конф. – Брянск, 2018. – С. 58–64.
2. Григорьева, А. Д. Слово в поэзии Тютчева / А. Д. Григорьева. – М. : Наука, 1980. – 247 с.
3. Зырянов, О. В. О задачах познания Тютчева / О. В. Зырянов // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 129–140.
4. Изотов, В. Высоцкий и Тютчев: к сходству несходного / В. Изотов // В поисках Высоцкого. – Пятигорск – Новосибирск, 2017. – № 30. – С. 3–9.
5. Маймин, Е. А. Русская философская поэзия / Е. А. Маймин. – М. : Наука, 1976. – 94 с.
6. Нагибин, Ю. «О Господи, дай жгучего страдания...». Судьба Федора Тютчева / Ю. Нагибин // Литературная газета. – 1993. – № 42.
7. Некрасова, Е. А. Функциональная роль сравнений в стихотворных идиостилиях различных типов // М. А. Бакина, Е. А. Некрасова. Эволюция поэтической речи XIX–XX веков. Перифраза. Сравнение. – М. : Наука, 1986. – С. 81–190.
8. Орехов, Б. В. «Проблеск» Ф. И. Тютчева в ретроспективе Корпуса. Очерк корпусной поэтики // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей. – Вып. 2. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2014. – С. 304–318.
9. Орехов, Б. В. Еще раз об исследовательском потенциале поэтического корпуса: метр, лексика, формула // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2015. – № 6. – С. 449–464.
10. Полоскина, Т. А. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» (о цитировании Ф. И. Тютчева в литературе и других сферах культурной жизни) // Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия: материалы IV науч.-практ. конф. – Брянск, 2018. – С. 36–57.
11. Созина, Е. К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). – Вып. 1. – Екатеринбург, 2001. – С. 54–148.
12. Синельникова, Л. Н. Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация: монография / Л. Н. Синельникова. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 267 с.